

Ф. И. ТЮТЧЕВ В КОМИТЕТЕ ЦЕНСУРЫ ИНОСТРАННОЙ

Сообщение М. Брискмана

В дневнике Я. П. Полонского есть следующая запись: «Некто Степанов (карикатурист) подал в цензуру сочинения отца своего. Цензура держит их 9 месяцев, т. е. три срока, назначенных законом. Степанов подал на цензуру жалобу министру Перовскому. Перовский велел сделать через Мусина-Пушкина строжайший выговор и прочесть при всех в Комитете. Цензор Ахматов, выслушав выговор, по глупости забылся и всех насмешил восклицанием: «Господи, боже мой, какая напасть, если литератор да вдруг делается министром» («Голос Минувшего» 1919 г., № 1—4, стр. 102).

Полонский был прав: цензор Ахматов действительно сказал глупость. Министров, а особенно цензоров-литераторов в России было достаточно, радости от этого литературе было немного. Все же некоторым из них в пределах своего, как правило, весьма умеренного «литераторского либерализма» кое-что сделать удавалось.

После смерти неизвестного цензора Красовского, министр народного просвещения А. С. Норов представил Александру II три кандидатуры в председатели Комитета цензуры иностранной (дело мин. нар. проsv. по Главному управлению цензуры № 133). Выбор Ф. И. Тютчева несомненно был следствием появления в ноябре 1857 г. его письма Горчакову о цензуре в России, письма, соответствовавшего в какой-то мере тенденциям правительства к смягчению цензурного гнета последних лет николаевского царствования¹.

Сохранилось резкое высказывание Тютчева, характеризующее его отношение к цензурной деятельности еще в бытность цензором министерства иностранных дел. «Недавно у меня были мелкие неприятности в министерстве, все по поводу этой злосчастной цензуры. Конечно, в этом не было ничего особенно важного... На развалинах мира, который обрушится под тяжестью их глупостей, они, по роковому закону, останутся жить и умирать в постоянной безнаказанности их идиотизма. Что за отродье, боже мой! Однако, чтобы быть вполне искренним, я должен сознаться, что эта беспримерная, эта ни с чем не сравнимая недалекость не опечаливает меня за судьбу самого дела настолько, насколько казалось должна была бы опечалить. Когда видишь, насколько все эти люди лишены всяких мыслей и всякой сообразительности, следовательно и всякой самостоятельности — становится невозможным приписывать им малейшее участие в чем либо: в них можно видеть только безвольные колесики, приводимые в движение невидимой рукой» (письмо 1854 г. См. «Русский Архив» 1899 г., № 2, стр. 275. Цитирую по переводу.) Не слишком был доволен Тютчев результатами и своей новой служебной деятельности. Отношение его к русской цензуре не изменилось. Помимо письма 1873 г., в котором Тютчев, незадолго до смерти, констатировал, что его записка о цензуре в России «и в настоящий миг трепещет современным интересом» и что «самая бесполезная вещь на сем свете быть правым» (И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886, стр. 313. Цитирую по переводу), можно привести еще его слова из письма Аксакову в 1867 г.: «Для совершенно честного, совершенно искреннего слова в печати требуется совершенно честное и искреннее законодательство по делу печати, а не тот лицемерно-насилованный произвол, который теперь заведывает у нас этим делом» («Мурановский сборник», вып. I, 1928 г., статья Г. Чулкова «Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой» стр. 19).

До сих пор фигура Тютчева-цензора известна лишь по некоторым отрывочным воспоминаниям да по его собственным словам в стихотворении в альбом П. А. Вакара. («Веленью высшему покорны...»). Задача настоящего сообщения — иллюстрировать первый этап цензурной деятельности Тютчева. Публикуемые ниже заключения подписанных Тютчевым отчетов по Комитету цензуры иностранной за 1858, 1860, 1863 и 1865 гг. дают некоторый материал для освещения вопроса — как и насколько удавалось Тютчеву приложить в своей служебной деятельности высказанные им в письме Горчакову мысли о цензуре и свободе печати². Ряд любопытных характеристик иностранных литератур, отдельных книг и заграничных русских изданий не только дополняет и конкретизирует оценку Тютчева как цензора, но и является богатым материалом для характеристики его литературных и общественно-политических взглядов. Здесь между прочим стоит отметить неизменность и настойчивость нападок на «школу рационалистов и материалистов» и на Штрауса, Ренана и других, «низводивших спасителя на степень человека». Несомненно, эти «литературные обзоры», как названо одно из заключений отчетов Комитета, должны быть использованы в специальной работе (все дела Комитета Цензуры Иностранной хранятся в Ленинградском Отделении Центр-архива).

Отчеты эти в целом перу самого Тютчева конечно не принадлежат. Однако сравнение их с отчетами предыдущих лет и с отчетом за 1864 г., подписанным временно заменявшим Тютчева гр. Комаровским, с одной стороны, и с письмами и статьями Тютчева — с другой, позволяет считать по крайней мере за заключения этих отчетов принадлежащими Тютчеву лично. Правда, официальный характер бумаг дал себя знать. В письме Горчакову Тютчев говорит об изданиях Герцена: «Это явление бесспорно важное, и даже весьма важное, заслуживающее самого глубокого внимания... он служит для нас представителем свободы суждения, правда, на предосудительных основаниях, исполненных неприязни и пристрастия, но тем не менее настолько свободных (отчего в том не сознаться?), чтобы вызывать на состязание и другие мнения, более рассудительные, более умеренные и некоторые из них даже положительно разумные» (перевод письма — Полное собрание сочинений, 8-е изд., стр. 513—514). Вот во что превратилось это в отчете за 1858 г.: «Открытие во многих европейских городах русских типографий, в которых издаются возмутительные сочинения». Ср. также резкую характеристику в отчете за 1863 г. (что, понятно, не случайно). «Возмутительные сочинения» — конечно термин, официальное наименование, да и подразумевается здесь не один Герцен. Но и вся деятельность Тютчева-цензора могла соответствовать его мыслям о цензуре в той же степени, как термин «возмутительные сочинения» соответствует «явлению бесспорно важному и даже весьма важному ...на предосудительных основаниях».

Приняв Комитет иностранной цензуры, Тютчев рьяно взялся за дело.

В Комитете иностранной цензуры еще с 1850 г. было введено разделение запрещенных книг на запрещенные безусловно и запрещенные для публики, разделение, не предусмотренное уставом 1828 г. Безусловное запрещение применялось, правда, крайне редко, даже при Красовском. Характерно однако, что вместе с появлением в Комитете Тютчева эти запрещения почти совершенно исчезают и соответствующие представления цензоров постоянно отклоняются³.

«Я старался дать больший простор и иностранной (литературе), не выходя впрочем при этом из законных пределов и держась точного смысла устава о цензуре», «все внимание цензуры должно было обратиться на действительно вредные сочинения, не придираясь к мелочам или отдельным словам», писал Тютчев в отчете за 1858 г.

В делах Комитета находим многочисленные доказательства этому заявлению Тютчева. В 1850 г. Главное управление цензуры, озабоченное огромным количеством поступавших к нему от Комитета сомнительных книг, напомнило последнему о его праве «в тех случаях, если сочинение написано с благонамеренной целью, но в нем встречаются места непозволительные, с согласия хозяина оного, уничтожать сии слова или выражения, посредством вырезания страниц или иным способом» (дело 1850 г., № 43). Комитет стал широко применять это предложение. Как видим, Главное управление

цензуры рассматривало это как своего рода облегчение, необходимое в свою очередь «в видах облегчения оборотов книжной торговли» (указан. дело). Тютчев однако справедливо определил практику этого «облегчения» как придирки. С апреля—мая 1858 г. Комитет начинает регулярно отказываться от применения этого правила и разрешать в иных случаях весьма предосудительные места. В 1858—1863 гг. Комитет все чаще отклоняет предложения цензоров о запрещении книг. Любопытно, что разногласие вызывают главным образом рапорты цензоров провинциальных, т. е. далеких от влияния Тютчева. В том, что число запрещенных книг уменьшается, Тютчев вынужден оправдываться — см. отчет за 1863 г. Получено было также разрешение, «не стесняясь, пересматривать запрещенные прежде сочинения». Ср. в отчете за 1860 г. упоминание Тютчева о старых исторических сочинениях.

«БОЛЬШОЙ СОВЕТ ЦЕНЗУРНОГО ОЛИМПА»

СЛЕВА НАПРАВО: АПРАКСИН, ТЮТЧЕВ, МУХАНОВ, ТИМАШЕВ, АДЛЕРБЕРГ

Карикатура П. Фредро

Институт Русской Литературы, Ленинград

В связи с пересмотром цензурного устава Комитету было предложено составить проект изменений Устава иностранной цензуры. Основной вопрос, интересовавший Комитет, — нельзя ли вернуться к порядку, существовавшему до 1850 г., когда на Комитете не лежала обязанность распаковывать и рассматривать уклады с книгами и это доверялось книгопродавцам, поднят был еще до назначения Тютчева председателем. При Тютчеве Комитет вновь настойчиво и не раз возвращается к этому вопросу, не нашедшему однако желательного разрешения. В представленном Ковалевскому проекте следует отметить ряд предложений, в сущности возвращавших к Уставу 1828 г. (неизменный припев всех проектов этого времени): восстановление прав научных и учебных учреждений получать книги без цензуры, уничтожение разделения на безусловно запрещенные и запрещенные для публики и др. Составлен был также «Проект правил о выдаче книг без подробного рассмотрения», предоставлявший много возможностей для выдачи книг без цензуры. В Главном управлении цензуры проект этих правил подвергся однако значительному сужению⁴.

Впрочем и весь проект Комитета, войдя в известный проект цензурного устава Ковалевского, так и не был воплощен в жизнь (Журнал заседаний Комитета 1858 г., дела Главного управления цензуры № 214 и 245, отчет за 1861 г.).

В дальнейшем, особенно после перехода цензуры в министерство внутренних дел, возможностей у Тютчева оставалось все меньше и меньше. Через несколько лет, за год до упоминавшегося выше письма к Аксакову, Тютчев продолжал твердить: «Но как умственный уровень с каждым годом возвышается, то и естественно, что цензурные действия должны быть весьма осмотрительны и уже никак не иметь характер чисто запрети- тельный, как это было в прежние годы. Цензура будет действовать только тогда с пользой, если она, не выходя из пределов закона и из солидарности с правительством, постоянно соотнобразяется с разумом закона, требованиями века и общества» (из отчета за 1866 г.). Но отчет был адресован начальнику Главного управления печати и через него Валуеву⁵, а их даже такой умеренный и верноподданический «либерализм» не убеждал.

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ ИНОСТРАННОЙ ЦЕНСУРЫ ЗА 1858 ГОД

(Из дела канцелярии Министра Народного Просвещения по Главному Управлению Цензуры, 1859 г., № 152103/25)

Заключение. При назначении меня в Апреле месяце 1858 года Председателем Комитета Цензуры Иностранной, я считал первую обязанностью привести в более рациональное положение действия иностранной Цензуры. Желая удовлетворить потребностям читающей публики и принимая в соображение развитие русской литературы, я старался дать больший простор и иностранной, не выходя впрочем при этом из законных пределов и держась точного смысла Устава о Цензуре. Более снисходительному действию Иностранной Цензуры служила поводом и современная иностранная литература. Произведения ее с 1848 года, наполненные революционными, рациональными и социальными идеями, подали повод весьма естественно к репрессивным мерам во всех благоустроенных государствах, а с тем вместе и у нас. Но со временем, когда страсти в Европе утихли, все пришло в обыкновенный порядок и литература вступила на законную деятельность, должны были смягчиться и эти меры и все внимание Цензуры должно было обратиться на действительно вредные сочинения, не придираясь к мелочам или отдельным словам. В особенности с большею строгостию старался я действовать относительно так называемых легких произведений литературы, по этому запрещению для публики и позволению с исключениями подверглись более романы, повести и детские книги⁶.

Сверх того одно обстоятельство, не существовавшее прежде, должно было обратить на себя особенное внимание и бдительность Иностранной Цензуры, это — открытие во многих европейских городах русских типографий, в которых издаются возмутительные сочинения. Разумеется, что с ними поступает самым строгим образом и они не выдаются никому, ни под каким видом⁷. Но это самое заставило чиновников усилить труды свои и рассматривать укладки с привозимыми книгами с возможною осторожностью, так как в числе книг совершенно невинного по заглавию содержания могут быть вклеены или листы, или даже незначительного объема брошюры.

Из Отчета о действиях Иностранной Цензуры в Империи за 1858-й год Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что деятельность чиновников, как Комитета Цензуры Иностранной, так и иногородных Ценсурных Комитетов, а равно и Отдельных ценсоров в Ревеле и Дерпте, занимающихся рассматриванием поступающих из-за границы иностранных книг, и в этом году не уменьшалась, а напротив увеличилась числом

рассмотренных книг в значительном количестве, сравнительно с предыдущими годами и что в означенный год число книг позволенных более, нежели в последние годы.

При сем долгом считаю донести Вашему Превосходительству, что главная деятельность по ценсурованию иностранных книг лежала на Комитете Цензуры Иностранной и что Чиновники оного исполняли свои обязанности со всем усердием и добросовестностию. Но несмотря на усиленные труды их, все количество неизвестных книг не могло быть рассмотрено, а при увеличивающейся литературной деятельности, нужно ожидать в будущем еще большего привоза. Для успешного действия Иностранной Цензуры необходимо сделать значительные преобразования в оной, о чем я и имел честь сделать представление Вашему Превосходительству. От преобразований этих будет зависеть дальнейший ход действий иностранной цензуры.

Председатель Ф. Тютчев

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ ИНОСТРАННОЙ ЦЕНСУРЫ ЗА 1860 ГОД

(Из дела Главного Управления Цензуры, 1861 г., № 69/70)

...В заключение этого отчета считаю не лишним бросить взгляд на Иностранную литературу в 1860 году по отношению ее к ценсурным постановлениям в России.

Давно уже литература народов западных не представляла такого брожения, такой борьбы совершенно друг другу враждебных начал или убеждений религиозных, философских и политических. Эта борьба не может быть тайной для образованного класса русских читателей, для большинства которых западные теории или увлечения партии служат более предметом любопытства, нежели насущной потребности. Русский не может принять никакого живого деятельного участия в той борьбе например, какую ведут Легитимисты с Бонапартистами, Клерикалы с светской властью, протестантизм с католицизмом и так далее — но борьба эта и для русских, во многих отношениях, может быть полезна как урок, предлагаемый историей современного нам человечества. В совершенной слепоте и неведении нет и возможности оставлять русскую публику — Иностранная Цензура в России должна была только, тщательно отличая в массе книг, идущих к нам из-за границы, сочинения положительно вредные для всех по своему влиянию, не допускать их в публику.

К числу таковых вредных сочинений принадлежали в прошлом 1860 году: Во-первых, книги философского содержания с крайне рациональным или материальным направлением, отвергающие всякую возможность существования бога и всякую надежду на бессмертие души за гробом. Таких сочинений более всего оказывалось на немецком языке, ибо в Германии рационализм стал духом, господствующим почти что во всех слоях общества. Во-вторых, книги религиозные, с полемическим характером или направленные против догматов русской церкви, которая, по словам фанатических проповедников католицизма, называется мертвою, еретическою, преданною проклятию — или направленные против западного католицизма, стремящегося доказать, не только фактами, но и текстами св. Писания, всю несостоятельность римско-католической церкви, при чем, разумеется, уничтожается всякое значение Папы, не только светское, но и духовное, описывается разврат Ватиканского двора, лицемерие духовенства и проч., — такого рода сочинения в прошлом году были по большей части на французском языке и авторы их были не только протестанты, но и католики. В-третьих, книги исторические, в которых говорилось о России. Вообще историки последних

годов стали гораздо беспристрастнее и умереннее в своих выводах: уже никто из них не проповедует революции, как единственного спасительного исхода для всех народов, напротив смотрят на такие потрясения, как на болезнь тяжкую и опасную для организма и развития народов. Не то было тому назад 10 или 15 лет — и множество исторических сочинений того времени до сих пор еще находятся под ценсурным запрещением, хотя уже и утратили значительную часть своего влияния.

Комитет Цензуры Иностранной, рассматривая сочинения исторические, по большей части старался обращать внимание на места, относящиеся к Русской истории, и исключал их, если находил их противными уставу о ценсуре — наибольшее число исключенных мест заключало в себе описание кончины императоров Петра III и Павла I.

В-четвертых, брошюры, заключающие в себе воззвания к польскому народу, писанные по большей части на польском языке польскими эмигрантами, или сборники патриотических стихотворений в том же духе. Вызвать проклятия на Россию — страну кнута, как ее называют ее ненавистники, доказать отсутствие всяких человеческих качеств, как в народе, так и в его государях, составляет главную цель их. Таких брошюр в прошлом году было заметно много — Комитет Цензуры Иностранной не допускал их к обращению в публике, и

В-пятых, безнравственные романы и повести, которыми по большей части отличалась литература французская.

Книги же на русском языке, неизвестные ценсуре, посылались на рассмотрение духовной и внутренней Цензуры.

В прошлом году из числа книг на Английском языке запрещенных было немного — а именно: несколько сочинений, заключающих в себе или путешествия по России или пристрастное описание Крымской Кампании — или анекдоты и рассказы, относящиеся к царствованию императора Николая I-го. Вообще же большинство Английских писателей постигло вполне назначение литературы способствовать нравственному развитию общества, ни на один безнравственный роман или повесть не может указать Цензура; ни на одно философское сочинение, которое бы с полным отрицанием смотрело на христианство; ни на одну политическую брошюру, которая проповедывала бы ненависть к России, войну или революционные движения. В историческом отношении Английская литература прошлого года особенно умеренна. Она признавала уже совершившиеся факты, сочувствовала совершающимся, но не проповедывала ни восстаний, ни новых разграничений Европы.

Вообще сочинений серьезных, научных было в прошлом году, так же как и в 1859 году, ввезено в Россию гораздо более, чем сочинений легких и для приятного препровождения времени написанных. Комитет Цензуры иностранной не был так строг в рассматривании тех книг, которых тяжелый, сухой, метафизический или философский язык не может быть доступен поверхностно-образованной массе читателей и стало быть не может иметь на нее такого влияния, как сочинения о тех же предметах, но изложенных на языке легком и популярном.

Из сравнения числа ввезенных в 1860 году книг с числом ввезенных в 1859 году — Ваше Высочайшее Превосходительство изволите усмотреть значительную разницу — в 1859 году ввезено было 1.422.157 томов, а в 1860 году 2.255.359 томов — в числе которых неизвестных Ценсуре книг возрастало постепенно с прошлого года, что и требовало особенной деятельности, усердия и добросовестного исполнения своих обязанностей со стороны всех Чиновников Комитета Цензуры Иностранной. О таковой деятельности и усердии мне особенно приятно свидетельствовать перед Вашим Высочайшим Превосходительством.

В заключение имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что все действия Цензуры Иностранной, осторожно приноравливаясь к духу и потребностям современного нам русского общества и устраняя все положительно для него вредное или не своевременное, вполне были согласны с видами нашего Правительства.

Председатель Комитета Цензуры Иностранной Ф. Тютчев

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ ИНОСТРАННОЙ ЦЕНСУРЫ ЗА 1863 ГОД

(Из дела Центрального Управления по Цензурному ведомству, 1864 г. № 1)

...Нет сомнения, что по мере постепенного распространения в России образования и привоз иностранных книг постоянно увеличивался. Нераздельно с сим должен был, конечно, и круг действий Иностранной Цензуры с каждым годом расширяться. Двадцать лет тому назад, а именно в 1843 году, как видно из дел Комитета, ввезено в Россию иностранных книг 534.372 тома, десять лет спустя, в 1853 году,—958.533 тома, еще через пять лет ввоз увеличился до цифры 1.614.874 и наконец в 1862 году дошел до цифры 2.727.362 тома и номера. Таким образом привоз подлежащих рассмотрению иностранных сочинений в последние двадцать лет постоянно возрастал и в настоящее время увеличился вчетверо. Сравнительный этот вывод лучше всего доказывает, что Россия на пути образования не останавливалась, а в последние годы шла быстро вперед. В подтверждение этой истины можно указать на большое число ввезенных иностранных книг по механике, технике и естественным наукам, из них очень многие доступны массе русской публики в переводе на русском (языке).

Конечно, в таком большом количестве привозных книг находилось прежде и ныне много запрещенных; но замечательно то явление, что число запрещенных сочинений с каждым годом постоянно уменьшалось. Так, например, в 1862 году Комитет Цензуры Иностранной запретил 285 сочинений, тогда как 10 лет тому назад количество запрещенных Комитетом заграничных изданий доходило до цифры 464. В истекшем же 1863 году число запрещенных сочинений еще значительнее уменьшилось, а именно: из неизвестных и подвергнутых рассмотрению 3.670 сочинений Комитет Цензуры Иностранной запретил в целости 142 и позволил 87 сочинений с исключением из них мест и страниц.

Такое постепенное уменьшение запрещенных книг, сравнительно с увеличивающимся привозом из-за границы нельзя отнести к послаблению со стороны Комитета Цензуры Иностранной, от внимания которого ни одна вредная книга не могла скрыться; а обстоятельство это и причины тому объясняются как историческими событиями на Западе, так и более либеральным взглядом нашего Правительства на отечественную и иностранную литературы.

В 40-х и 50-х годах, когда умы на Западе сильно волновались, иностранная литература представляла борьбу крайне враждебных убеждений в религии, философии и политике. Волнение тогда было возбуждено такими политическими явлениями, как напр. низложением Людовика-Филиппа, провозглашением республики, общим брожением Германских народов, восстанием Венгрии, Coup d'Etat, новой империей и наконец Восточной войной. Нельзя отвергать и то, что такие политические события были подготовлены литературою, потому что учение Фейербаха, Штрауса, Луи-Блана, Прудона, идеи Ламартина, Гейне и образовавшаяся в Германии школа рационалистов и материалистов не могли не колебать основания заграничного общества. Новые теории и учения пу-

стили свои корни в литературу, и западный человек, начитавшись новых идей в романах, повестях и газетах, должен был после тяжких уроков убедиться, что революция в церкви и государстве не спасение, а страшный недуг и язва для человеческого рода. Борьба эта должна была неминуемо вызвать со стороны русского Правительства возможную бдительность, для ограждения государства от водворения таких идей, которые могли бы потрясти общественное здание; необходимым следствием такого положения была особенная строгость как цензуры книг русских, так и иностранных. Но когда потом французское общество успокоилось при правлении императора Наполеона III, а в Германии то время миновало, где идеи Гейне, Фохта, Бюхнера и тому подобных писателей читались и поглощались с жадностью, считая их непогрешимыми, то и литература этих народов стала надежнее и полезнее для России, нежели она была прежде. По сей самой причине иностранная цензура в последние года могла быть снисходительнее в своих решениях, не выходя впрочем из пределов законности и строго соображаясь с видами Правительства. К сожалению в то же время образовалась за границею особенная русская литература, имеющая во многих городах русские типографии, и в особенности в Лондоне, где известные выходцы русские составили план посредством печати действовать революционной пропагандой в России; на этого рода сочинения Иностранная Цензура обращает и ныне особенно строгое внимание, употребляя все зависящие от нее средства к воспрепятствованию водворения в Империи подобного рода изданий.

Обозрев заграничную литературу по ее отношению к цензуре за последние двадцать лет, мне остается теперь указать на те из ее произведений, которые в прошлом 1863 г. подверглись запрещению в целости и исключению мест и страниц.

Все вообще запрещенные прежде и ныне иностранные сочинения можно разделить на следующие пять разрядов.

1. Сочинения философские, отвергающие рациональными и материальными доводами бытие бога, свободу воли, бессмертие души. В Германии выходило в прежние годы много подобных произведений из печати, в прошлом же году поступило в Комитет незаметное число их, потому что корифеи этой школы большею частью исписались, и если еще пишут, то далеко не так резко, как прежде.

2. Сочинения религиозные, с полемическим направлением против библии, личности спасителя, коренных христианских верований и догматов православия. Такого рода положительно вредных сочинений Комитет Цензуры Иностранной подверг 44 названия запрещению. Цифра эта довольно знаменательная для духа нашего времени; она доказывает, что на Западе настала для общества новая опасность, грозящая отнять у человека самые дорогие и заветные верования. Первое место между этими произведениями занимает книга Ренана „*Vie de Jésus*“, написанная популярно и потому могущая принести более вреда, нежели строго научная книга Штрауса „*Das Leben Jesu*“. Комитет Цензуры Иностранной выдавал Ренана только немногим лицам, пользующимся по своему положению доверием Правительства. Из числа показанных 44-х названий были некоторые на Польском языке, в коих восхвалялся католицизм, с бранью на греко-российскую церковь и ее обряды. Комитет вообще строго преследовал все книги изложенной выше категории.

3. Сочинения политические, поступавшие томами, брошюрами, журнальными и газетными статьями на не-

мецком, французском и польском языках. В них, вследствие современных обстоятельств и событий, преимущественно в Польских брошюрах, заключались воззвания к Польскому народу, проклятия на Россию, предосудительные рассказы и отзывы о государях ее и все то, что только может внушить самая отчаянная ненависть. Этих сочинений было: немецких 5, французских 20 и польских 57 в большом количестве экземпляров, которые все удержаны ценсурою. К ним не причисляются прежде запрещенные и положительно вредные сочинения Мицкевича, Хойецкого, Красинского и подобных польских писателей, о непропуске которых ценсура при досмотре укладок должна иметь постоянную заботливость и осторожность. При рассмотрении Французских сочинений по Польскому вопросу Комитет Ценсуры Иностранной соображал свои решения с внутреннею ценсурою и по мере того, как притязания и клеветы Поляков критически разбирались русскою пресою, в той самой мере Иностранная Ценсура делалась снисходительнее и уступчивее. Таким образом напр. известная резкая речь графа Монталамбера была пропущена после отзыва о ней русских журналов⁸.

Но и Английская литература, столь полезная прежде по своему положительному характеру и безвредному направлению, выступила в прошлом году враждебно против России. Там во многих современных изданиях и даже журналах для юношества появлялись статьи, проповедывавшие ненависть к России, с предосудительными анекдотами и неприличными отзывами о великом князе Константине Николаевиче, покойном императоре Николае и теперешних государственных деятелях наших. Комитет Ценсуры Иностранной удерживал подобные статьи и места английских изданий, коих рассмотрено около 22-х названий в значительном числе экземпляров.

4. Сочинения исторические, как напр. учебники, романы исторические и жизнеописания. Из них в прошлом году запрещены только 10 названий в целости и то преимущественно Польских, не имеющих общего литературного интереса. Сверх сего, подверглось подобного рода книг около 62 названий запрещению мест и страниц, в коих описывалось в мрачных красках жизнь императриц Анны, Елизаветы и Екатерины II, рассказывались с подробностью смерть Петра III и кончина Императора Павла. В новейших легких произведениях—именно в романе историческом встречались неприличные анекдоты или непочтительные отзывы об императоре Николае. Сочинений таких поступало заметное число экземпляров как в прошлом году, так и в прежнее время. Комитет Ценсуры Иностранной всегда пропускал издания этой категории не иначе, как с пометками или вырезками означенных предосудительных мест и страниц.

5. Сочинения памфлетические и эротического содержания; из них поступало в Комитет Ценсуры Иностранной незначительное количество, потому что строгость Ценсуры относительно таких книг известна книгопродавцам. Особенное внимание Комитета обратили на себя два сочинения: „Napoleon III et ses complices“ и памфлеты Мирекура против того же императора Наполеона III и его дома⁹.

К вышеизложенным 5-ти разрядам запрещенных книг Комитет Ценсуры Иностранной не причисляет русских заграничных изданий, вышедших в прошлом году из-под типографических станков во Франции, Германии, Швейцарии.

Таковых сочинений поступило: 28 названий в 1.652 томах и номерах; из них оказалось по рассмотрении позволенными: 8 названий в 90 томах, которые выданы; и запрещенными: 20 названий, в 1.542 томах и номерах, удержанных в Комитете. Сверх того поступило и выдано Ко-

митетом напечатанные в 1859 году и позволенные 2 заграничные русские сочинения в 3.729 томах. Если прибавить к показанным 28-ми русским сочинениям еще 54, вышедшие за границею с 1856 по 1862 год (не считая изданий Лондонских), то можно вывести заключение, что русская заграничная пресса с каждым годом увеличивает свою деятельность. Но деятельность эта отрицательная и вредная, она преимущественно направлена против русской внутренней политики, духовенства и государственных деятелей наших. Отсюда и понятно, что из известных цензуре этих всех 82 сочинений, 12 только позволены. Но как ни вредна для русской литературы в России заграничная русская печать,—она далеко уступает по своему вреду подобным писателям-эмигрантам, как-то Герцен, Огарев, Блюмер и Долгоруков, которые, как Вашему Высокопревосходительству известно, избрали девизом своей литературной деятельности революцию и разрушение. Комитет Цензуры Иностранной при досмотре ящиков строго наблюдает, чтобы подобные возмутительные издания не провозились. По сему каждая книга, каждый пакет и конверт выпускается не иначе, как только по тщательном осмотре и соблюдении всех ценсурных формальностей....

Председатель Ф. Тютчев

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ ИНОСТРАННОЙ ЦЕНСУРЫ ЗА 1865 ГОД

(Из дела № 17 Канцелярии Главного Управления по делам печати)

... Литературный обзор. — Что бы придать надлежащее значение этим числовым данным, я считаю необходимым бросить здесь беглый взгляд на иностранную литературу по отношению ее к цензурным постановлениям нашим.

Все вообще запрещаемые произведения заграничной печати удобно разделены на следующие пять разрядов.

1. Сочинения философские, отвергающие рациональными и материальными доводами бытие бога, свободу воли, бессмертие души. Если под идеалом вполне образованного человека должно разуметь гармоническое развитие всех нравственных сил, применение их к жизни по требованиям разума и сердца, то в истинах философии и религии имеются все данные к достижению такого высшего блага. Но философия и религия не всегда поддерживали друг друга, не всегда шли рука об руку, а потому и не мнили человека с его настоящим и будущим. Напротив, изучая законы разума и природы, человек уже с самых давних пор не только отделялся от религиозных верований своей среды, но очень часто вступал даже в спор и борьбу с верованиями. Такого рода стремления не могли, конечно, не сопровождаться ошибочными результатами. История философии, начиная с Фалеса и Пифагора и оканчивая ее Гегелем и Контом, представляет целый ряд систем и школ, которые удобно могут быть названы историей ошибок и неудачных попыток стать в области мышления на почву твердую. Сократ и Кант, — и тем не удалось создать науку, которая была бы вечна, как вечна и непреложна истина. А что же сказать о других мыслителях? — Истина и ложь, дух и материя, вера и знание, случайность и закон, — вот противоположные начала различных философских взглядов и систем. Но как бы то ни было, — в системах философских все же заключается и доля истины. Системы и взгляды замечательных мыслителей переходили из века в век, передавались от рода в род и, как плод вековых трудов, принадлежат ныне истории цивилизации народов. По этому и цензуре не удобно продолжать, на основании устава, подвергать запрещению этого рода книги, которые, по содер-

жанию и изложению, недоступны для массы публики, привозятся сюда в малом числе экземпляров, и то только для специально-ученых.

Обращаясь за сим к цензурной деятельности, я нахожу, что специальных сочинений по различным философским системам было в прошлом году весьма немного. Из них только шесть обратили внимание цензуры: четыре рационалистические и два о материализме. Все шесть отнесены к запрещенным для публики и вошли в вышеприведенный отдел сочинений по религии, потому что в них обсуждались также вопросы о религии и церкви. Отсюда ясно, что литература эта представляет теперь мало производительности. Она переходит в область истории и анализа, а кружок ее почитателей видимо редее. Так по крайней мере можно судить по тому обстоятельству, что из прежде запрещенных сочинений таких авторов, как Бюхнер, Фогт, Конт, известных своим смелым учением против авторитета Библии, в последнее время поступало в Комитет весьма незаметное число экземпляров. К тому же и голос материалистов, если он не совсем замолк, а иногда еще слышен, то все же не так резко, как это прежде было. Вековой спор их с богословами перенесен теперь на другую почву, именно на религиозную, что и видно из запрещенных в прошлом году 70-ти сочинений по религии.

В заключение обзора сей литературы, остается еще сказать, что подобно тому как лет шесть тому назад в Англии сочинением „Essays and Reviews“¹⁰ была сделана попытка примирить науку с библейским учением, так равно и в Германии появилась в прошлом году книга подобного же направления. Именно в книге „Der Materialismus vom Standpunkte der atomistisch-mechanischen Naturforschung“¹¹ проводилась мысль, что успехи в естественных науках не должны вести к атеизму, так как, кроме материи и силы, есть еще, по мнению автора, атомический принцип, который ни в материи, ни в душе не исчезает бесследно. Такой взгляд хотя и несогласен с библейским учением, но он собственно не имеет ничего враждебного к Библии и не оскорбителен для чувства верующих.

2. Сочинения религиозные, с полемическим направлением против личности спасителя, заветных христианских верований и догматов православия. После попыток Штрауса, Ренана и Шенкеля низвести спасителя на степень человека, многие последователи сих авторов пошли дальше. Они обратились против учения христианской религии, представляя ее отжившею свой век и отвергаемую просвещенными современниками. Таким образом, скептицизм рационалистов и материалистов заменен ныне уже полным отрицанием. Наука и знание должны стать выше всякой религии, человек образованный может обойтись без учения церкви, нужной теперь только для массы народа и вообще для людей, стоящих на самой низкой степени развития. Таковы начала этой новой школы, если только можно назвать ее школой, потому что вымысл и ложь доходили до богохульства, как это видно из драмы Дулька „Jesus der Christ. Ein Stück für die Volksbühne“. В этой драме воображением автора рисуется зачатие Иисуса не от св. духа, а от юноши Эссейца, подкравшегося будто к деве Марии, когда она лежала в полусне, в восторженном состоянии. Рожденный, по такому вымыслу, от Эссейца Иисус принимается в секту Эссейцев, которая посвящает своего воспитанника в разные науки и между прочим в терапевтику, помощью которой он и исцеляет потом страждущих. Точно такие же фантазии автора представляют смерть и воскресение спасителя. Старшины Эссейцев приводят снятого с креста полумертвого Иисуса в жизнь; а чтобы удостоверить апостолов в действительности воскресения и вознесения, они прибегают

к оптическому обману, к миражам и другим хитростям. Таковы главные черты драмы, предназначенной автором для народной сцены!

Драма эта запрещена Комитетом безусловно. Она, конечно, в литературе не займет места, но все же ею наглядно представлены результаты как современного безверия, так и трудов прочих писателей новейшего направления по вопросам о религии. Посему и цензура должна была обращать особенное внимание на произведения сей заграничной литературы. Из таких произведений, как уже в предыдущем представлено, запрещены в прошлом году 70 сочинений в целости, и с исключениями мест и страниц—27 на всех новейших языках. К сему следует еще пояснить, что эти 27 сочинений должно отнести не к книгам, а к периодическим изданиям.

Что же касается до сочинений против православия, то их было в прошлом году только три, включенных в число показанных здесь 70-ти.

3. Сочинения политические, поступавшие томами, брошюрами, журнальными и газетными статьями. Современная заграничная пресса по вопросам политическим общим и местным не отличалась особенною производительностью. Но за то литература эта, как прежде, так и в последние годы, постоянно обращала внимание цензуры по вопросам о России. Сперва выходили за границы такие, запрещению подвергнутые книги, как напр. „*La Cour de Russie il y a cent ans*“¹³, „*Der Russische Hof, von Crusenstolpe*“¹⁴ и другие о государях наших. В последствии же времени литература та начала принимать все большие размеры,—следя со вниманием за нашими делами. Такое явление можно отчасти объяснить тем, что сила и могущество нередко порождают зависть. Как бы то ни было, и какими мотивами заграничная пресса ни побуждалась,—все же нельзя отрицать, что почти каждое важное событие для России вызывало уж непременно за границей то ложные советы, превратные толки, то нарекания на нас. Так напр., по вопросам восточному и крестьянскому было в свое время много говорено там,—но либо не в видах Правительства, как преждевременное и потому вредное, либо с явною враждебною политическою целью. Враждебность эта нагляднее всего обнаруживалась по так называемому польскому вопросу.

В настоящее время, когда политические обстоятельства уже изменились, можно бы предположить, что голос польской пропаганды в литературе замолк. А между тем действия Иностранной Цензуры говорят о совершенно противоположном. Цензура должна была в прошлом году запретить 69 политических сочинений в целости и 39 повременных изданий подвергнуть исключениям мест и страниц. В сочинениях тех, в польских и французских брошюрах в особенности, говорилось много оскорбительного для государей наших, для особ императорской фамилии, государственных деятелей и народа. Кроме того, в такого рода сочинениях заключались воззвания к Полякам, похвалы повстанцам и героиням Полькам. В подтверждение сего стоит только открыть запрещенную в прошлом году любую брошюру, например, хоть бы „*Ultimatum dans les questions Polonaises et Européennes. Bruxelles*“, наполненную ругательствами и клеветою против государей наших и русского народа. Совершенно подобное можно бы также прочесть в некоторых повременных изданиях, между прочим в „*Revue de Paris. 23 Livraison. 11 Décembre 1864*“, в помещенной там статье, „*Les Femmes Polonaises*“. Направление это так установилось, что даже в английской литературе, отличающейся своею трезвостью и положительностью, весьма часто встречались неприличные рассказы, намеки и анекдоты в журналах и

даже в детских книгах. Цензуре по этому предстоит в будущем еще много дела по статьям и книгам чисто политическим, или с колоритом политическим.

4. Сочинения по истории, а также романы, повести и жизнеописания. Сочувствие к польскому делу обнаружилось также в историческом романе, в повести и исторических заметках, помещенных в некоторых периодических изданиях. Цензура в отношении сих произведений печати не могла не быть строга, так как в них вымысл не только представлял русского человека в ненавистном виде, но и о государях наших, особах императорской фамилии и правительственных лицах заключались в тех сочинениях брань и клевета, предосудительные анекдоты и намеки. Кроме того, в учебниках исторических, изданиях полиграфических, журналах и газетах встречались нередко рассказы и заметки о кончине императоров Петра III и Павла I. Предосудительности такие, как вообще все неприличное и вредное, цензура тщательно устраняла от общества запрещением таких сочинений в целости или выдержками мест и страниц. Действия цензуры по отношению к разряду сей литературы усматриваются из цифр выше приведенного цифирного обзора, именно из отдела 6 и II, где между прочим в отделе по истории значится цифра 53. Эту цифру следует также отнести и сюда.

5. Сочинения памфлетические и эротического содержания. Таких сочинений вообще (было) немного в литературе французской и немецкой. В прошлом году обратили внимание цензуры: четыре политических памфлета, в том числе Рожара „Les propors de Labiénus“, и три книжки против нравственности. Всех же 7 сего рода сочинений поступило в Комитет весьма незаметное число экземпляров, потому что книгопродавцам достаточно известна строгость цензуры.

К этим 5-ти разрядам сочинений не отнесены произведения русской заграничной печати. Равным образом сюда не входят Лондонские русские издания и других русских эмигрантов, потому что издания такие по своему известному возмутительному содержанию, не подлежат цензурному рассмотрению. В прежние годы обе те русские заграничные литературы имели много общего между собой в отношении враждебности против России и ее властей. В настоящее же время литература Герценовская представляет мало опасного, она, как известно Высшему Начальству, исписалась и потеряла всякое значение. А остальная заграничная русская пресса приняла теперь уже более одобрительное направление, как это видно из следующих данных. Именно: из 23 русских заграничных сочинений, поступивших в прошлом году в Комитет Цензуры Иностранной, 5 запрещены С.-Петербургским Цензурным Комитетом, 2—духовною цензурою, а 16 позволены вполне.

Имея честь о вышеизложенных трудах Иностранной Цензуры представить Высшему Начальству на благоусмотрение, считаю долгом при этом случае еще засвидетельствовать, что вверенный мне Комитет, при решениях о книгах, действовал то умеренно, если это представлялось возможным и безвредным, то строго, когда рассматриваемое сочинение подавало к тому справедливые поводы. Таким образом Устав Цензурный служил основанием действий Комитета, но в применении Устава к частным вопросам, к политическим в особенности, Комитет соображался иногда также и с заявлениями внутренней прессы, имея притом в виду, что по внутренней цензуре делались Высшим Начальством иногда особые распоряжения.

Председатель Комитета Цензуры Иностранной Тютчев.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Тютчев назначен был в Комитет в апреле 1858 г., а не в 1857 г., как указывает И. С. Аксаков („Биография Ф. И. Тютчева“, М., 1886, стр. 39). Тем более ошибается М. К. Лемке, говоря, что Горчаков поделился с Тютчевым мыслью о создании правительственного органа только тогда, когда тот вступил в должность председателя Комитета („Очерки по истории русской цензуры и журналистики“, стр. 353).

² В просмотренных мною отчетах за 1861 и 1866 гг. заключения ничего нового по сравнению с публикуемыми не содержат; одна выдержка из отчета за 1866 г. приводится ниже.

³ Что это проводилось сознательно, можно судить по тому, какое внимание было уделено защите тезиса о необходимости вовсе уничтожить это разделение в проекте изменения Устава иностранной цензуры, составленного в Комитете при Тютчеве.

⁴ Возможно что именно к этому относятся слова Никитенко в сентябре 1858 г.: „Был у меня председатель Комитета иностранной цензуры Ф. И. Тютчев и жаловался, что министр на словах решает одно, а на бумаге другое“ („Моя повесть о самом себе“, 2-е изд., т. I, стр. 527).

⁵ Ср. с этим: „Ф. И. Тютчев рассказывал мне о своем разговоре с Валуевым о делах печати. Он откровенно объяснил министру, что репрессивная система, принятая им, ни к чему хорошему не поведет“ (Никитенко. Назв. соч., т. I, стр. 265).

⁶ Требования большей строгости к иностранной художественной литературе сохранились в цензурном уставе до самой революции 1917 г.

⁷ Сравним это с письмом Горчакову: „За исключением мер положительно стеснительных и тиранических было бы весьма трудно существенным образом воспрепятствовать... привозу и распространению этих изданий“. (Полное собр. соч., стр. 513).

⁸ Le comte de Montalembert, L'insurrection polonaise. Paris. 1863. То же—переводы на нем., англ. и польский яз.

⁹ Eugène de Mircourt, Les femmes galantes des Napoléons. Secrets de cour et de palais. Berlin. 1862. То же—Londres. 1862.

При запрещении в 1860 г. его книги „Napoleon III nach dem Leben gezeichnet“ цензор отзывался о нем: „автор представляет (Наполеона) в виде какого-то выродка рода человеческого“.

¹⁰ „Essays and Reviews. London. 1861“.

¹¹ O. Flügel, Der Materialismus vom Standpunkte der atomistisch-mechanischen Naturforschung. Lpz. 1865.

¹² La Cour de Russie il y a cent ans. 1725–1783. Berlin. 1858. 2-е изд. 1858, 3-е изд. 1860 г.

¹³ Magnus Jacob von Crusenstolpe, Der russische Hof von Peter I bis Nicolaus I. Mit einer Einleitung. „Russland vor Peter dem Grossen“. 1855–1860.